

все время въ виду жизньъ человѣческую въ ея высшемъ значеніи, а не то, что разумѣется подъ словами жизньъ животная, или жизньъ органическая, т.-е. принципъ самостоятельныхъ процессовъ и измѣненій, независимый или по крайней мѣрѣ не исчерпывающійся дѣйствіями внѣшнихъ механическихъ причинъ и не имѣющій никакого, особенно сознательнаго, отношенія къ понятіямъ блага и зла.

Правда, что съ помощью „безсознательной воли“ можно опредѣленіе жизни какъ стремленія къ благу расширить и на всю органическую жизнь, но хотя вліяніе Шопенгауэра и Спинозы часто чувствуется въ разбираемыхъ нами страницахъ, въ данномъ случаѣ графъ Толстой далекъ отъ такого распространенія понятія жизни, которое не могло бы не внести большой неясности въ область этики, которая зиждится если не исключительно, то преимущественно на *сознательной* дѣятельности.

Во всѣ времена существовали лжеученые, говоритъ графъ Толстой, и существуютъ и до нашего времени. Одни устно исповѣдуютъ ученіе великихъ учителей человѣчества, въ преданіяхъ которыхъ они были воспитаны; но чуждые разумному смыслу этихъ ученій, они довольствуются требованіями обрядностей. Это въ широкомъ смыслѣ ученіе фари́сеевъ, т.-е. людей, которые исповѣдуютъ, что жизнь, нелѣпая сама по себѣ, можетъ быть исправ-